

В этом месте, несомненно, витал дух уединения от мира, но после мести в Поместье Иньюэ оставалось много дел, включая нерешённые вопросы со Школой Цанъянь. Если они проведут здесь несколько лет, Школа Цанъянь бесстыдно займёт первое место, и в мире боевых искусств начнётся хаос.

Однако одна вещь вызывала у Байли Сюня некоторое беспокойство. Они уже провели на острове четыре или пять дней, полностью насладившись очарованием природы, но теперь всем стало скучно. Даже Юань Юнь больше не находил удовольствия в погоне за курами, утками, гусями, кошками и собаками. В конце концов, Байли Сюнь решил поговорить с Угуем.

Старое дерево зацвело, и это можно понять.

Но это дерево только выпустило бутон, и всё ограничивалось держанием за руки. Даже поцелуй остался на уровне прошлого раза, когда он был нужен, чтобы успокоить злобу в теле Байли Сюня.

Однако стоит отметить, что его младший брат по учению, похоже, влюбился в эти игры в кошки-мышки с Чжун Яньсю. Хотя Су Юй ничего не говорил, Байли Сюнь видел, что его младший брат испытывает чувства к третьему сыну Чжуна. Ну что ж, дети растут, и им пора уезжать.

Эй, что-то здесь не так.

Байли Сюнь хлопнул ладонью по столу перед Угуем. Его живой нрав начал понемногу возвращаться.

— Предок Угуй, сколько нам ещё здесь торчать?

— Небесную тайну нельзя разглашать.

— Раз уж так, не остаться ли предку здесь? С такой силой, даже Чёрную чешую дракона добыть для вас — раз плюнуть?

Угуй посмотрел на него.

— Сердце твоё нечисто, потому и не сыщешь Чёрного дракона.

Байли Сюнь почувствовал, что его это рассмешило.

— Получается, согласно словам предка Угуя, явится Чёрный дракон или нет, зависит только от меня?

— Естественно.

— ... — Байли Сюнь не знал, как ответить на это. К счастью, в этот момент вошёл Вань Чаоюань.

Увидев, что Байли Сюнь выглядит не лучшим образом, он спросил:

— В чём дело?

Байли Сюнь был не в духе, и слова его звучали с сарказмом:

— Предок Угуй заявил, что причина, по которой мы тут застряли так надолго, кроется в

неискренности моего сердца.

Угуй не стал оправдываться, ведь это действительно были его слова.

— А что есть искренность сердца? — спросил Вань Чаоюань.

Раньше Угуй не любил разговаривать с Вань Чаоюанем, предпочитая Байли Сюня, но сегодня неожиданно быстро ответил:

— И вправду ли вы хотите, чтобы Сюаньшуан ожил? Ради чего? Из-за чувств к Наставнику? Или из чувства вины? А может... просто ради того, чтобы заполнить пустоту в ваших сердцах? Почему умер Сюаньшуан, вам и самим ведомо лучше всего.

Угуй редко говорил так много, но сегодня он нарушил это правило. Более того, в конце его речь стала эмоциональной, и он даже немного волновался.

Байли Сюнь задумался, услышав это. Он хотел сразу ответить, что это из-за чувств к Наставнику. Ведь «один день учителя — отец на всю жизнь». Сюаньшуан стал для него заменой отца, и хотя они провели вместе не так много времени, Байли Сюнь всегда был чувствителен к таким вещам и понимал, кто действительно заботился о нём.

Но почему-то, столкнувшись с вопросом Угуя, он не мог сказать это с уверенностью.

Думая об этом, он начал верить в идею «искренности сердца». Несколько дней назад Угуй спросил его, видит ли он Бэйюнь. Было ли это связано с тем, что его сердце было неискренним?

Его мысли расстроились, и внутренняя сила начала вести себя непредсказуемо. Раньше она лишь медленно исчезала, но теперь, из-за его эмоций, её потеря ускорила. Он даже не смог устоять на ногах и упал в объятия Вань Чаоюаня.

— Сюнь, что с тобой?

Байли Сюнь почувствовал головокружение. Внутренняя сила была недостаточной, чтобы поддерживать его тело, и ему нужно было отдохнуть, чтобы она постепенно восстановилась, хотя бы до минимума, необходимого для циркуляции.

Угуй проверил его пульс, ничего не говоря, и медленно передал ему немного внутренней силы, что улучшило его состояние. Но как только возникают сомнения, всё начинает казаться подозрительным. Шимей и Вань Чаоюань не замечали изменений в его внутренней силе. Как Угуй узнал об этом?

Но нельзя отрицать, что внутренняя сила Угуя действительно помогла. По крайней мере, он больше не чувствовал, что может потерять сознание.

— Благодарю вас, предок Угуй.

Вань Чаоюань по-прежнему относился к словам Угуя с недоверием. Он сам пощупал пульс Байли Сюня и, убедившись, что тому ничего не угрожает, лишь тогда успокоился. Затем, с явной неохотой, он тоже произнёс:

— Благодарю вас, предок Угуй.

Возможно, он никогда раньше не слышал, чтобы Вань Чаоюань говорил такие слова, потому

что даже Угуй взглянул на него с удивлением. Байли Сюнь даже заметил в его глазах что-то похожее на ревность, но это быстро исчезло, и Угуй снова принял вид почтенного старца.

— Раз здоровье твоё пошатнулось, лучше пока побыть на острове. А вы вернитесь и как следует подумайте о Сюаньшуане. Может быть, тогда и явится Чёрный дракон.

Байли Сюнь уже на восемьдесят процентов принял объяснение Угуя. Его хорошее настроение последних дней исчезло, и по дороге домой он постоянно думал об этом, не замечая, что Вань Чаоюань несколько раз звал его.

Вань Чаоюаню пришлось слегка подтолкнуть его. Сам он не испытывал таких сильных чувств к словам Угуя. Для него Сюаньшуан не был так важен, как для Байли Сюня. Для него Байли Сюнь был домом.

— Сюнь, не думай об этом.

— Ты разве не считаешь, что слова предка Угуя весьма разумны? — Байли Сюнь не понимал, почему Вань Чаоюань не испытывает тех же чувств. — Разве Учитель был не твоим наставником?

Вань Чаоюань не знал, как объяснить. Он мог только сказать, что больше не ненавидит Юэхэ, но его чувства к учителю давно исчезли в годы ненависти.

Увидев его молчание, Байли Сюнь почувствовал недовольство. Если его сердце было недостаточно чистым, то у Вань Чаоюаня и вовсе не было никакой искренности! Как тогда увидеть дракона? Как получить его чешую?

Иногда разногласия между людьми возникают постепенно.

— Нам нужно успокоиться каждому по отдельности. Мне нужно обдумать слова предка Угуя. Юань Юнь несколько ночей подряд просил меня побыть с ним, так что сегодня я буду спать с ним.

Сказав это, Байли Сюнь быстро зашагал прочь, не дав Вань Чаоюаню шанса вставить слово.

Вернувшись в комнату, он с раздражением сел на кровать, мять в руках игрушку, которую какая-то девушка подарила Юань Юню. Это была самодельная кукла, не очень изящная, и по сравнению с современными куклами с ней не тягаться, но на ощупь она была приятной, и отлично подходила для того, чтобы выплеснуть злость.

Раньше он думал, что они с Вань Чаоюанем достигли единения, но теперь, судя по его словам, для него воскрешение учителя было лишь задачей, которую можно было выполнить или нет.

Хотя учитель очистил его от злобы, но эта злоба, в конечном итоге, была вызвана Вань Чаоюанем. Почему он не был благодарен?

Они были разными людьми, и это вызывало в нём грусть.

Бедное старое дерево только начало цвести, но уже грозило увянуть.

Эмоции снова повлияли на его внутреннюю силу, но теперь это было не так сильно, возможно, из-за помощи Угуя. Думая об этом, он стал относиться к Угую лучше, а к Вань Чаоюаню — хуже.

Он смотрел на людей, проходивших мимо его двери, но никто не заходил. Он так надеялся, что сейчас Вань Чаоюань войдёт и всё объяснит.

Но затем он покачал головой, думая, как же он может быть таким жалким. Каждый раз, как только Вань Чаоюань начинал объяснять, он тут же верил. В его сердце незаметно зародилась мысль: сколько правды в словах Вань Чаоюаня, а сколько лжи?

Если он так относился к учителю, то что можно сказать о его чувствах к нему самому?

В этот момент дверь отворилась, и Байли Сюнь с надеждой посмотрел на вход. Увидев Су Юя, он слегка разочаровался, но всё же улыбнулся:

— Что-то случилось?

Увидев разочарование на его лице, Су Юй тоже почувствовал горечь.

— Шисюн, мне нужно кое-что тебе сказать.

— Да? О чём речь?

Су Юй колебался, не зная, стоит ли говорить, и сначала сел рядом с Байли Сюнем, взяв куклу, которую тот только что мям, и начал теревить её сам.

Бедняжка-кукла.

<http://bllate.org/book/17723/1656693>